

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разночтениями, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденом, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом.

Без сомнения, у читателей есть свои любимые варианты в том списке, который я привожу ниже. Я принимаю написание, предложенное «Оксфордским словарем английских географических названий» или «Кембриджским словарем английских географических названий» для эпох ближайших или включающих время правления Альфреда — 871–899 годам н. э. Но даже это решение не гарантирует от ошибок. Название острова Хайлинга в 956 году писалось и «Хейлинсиге», и «Хаэглингейге». Сам я тоже был не слишком последователен, используя современную форму «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд», тем самым избегая намека на то, что границы древнего королевства могли совпадать с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен:

Бebbанбург — Бамбург, Нортумберленд

Бринстэн — Бримстейдж, Чешир

Бургем — Имонт-Бридж, Камбрия

Вилтунскир — Уилтшир

Вир — река Уайр

Вирхелум — Уиррел, Чешир

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

- Глимрекр* — Лимерик, Ирландия
Дакор — Дэкр, Камбрия
Дингесмер — Уоллеси-Пул, Чешир
Дунхолм — Дарэм, графство Дарэм
Дун-Эйдин — Эдинбург, Шотландия
Йорвик — Скандинавское название Йорка
Кайр-Лигвалид — Карлайл, Камбрия
Лаутер — река Лоутер
Легесестерскир — Чешир
Линдисфарена — Линдисфарн, Нортумберленд
Линдкольн — Линкольн, Линкольншир
Лунден — Лондон
Мамесестер — Манчестер
Мён — остров Мэн
Мэрс — Мерси
Оркнейяр — Оркнейские острова
Острова Фарнеа — Фарнские острова, Нортумберленд
Раммесбери — Рамсбери, Уилтшир
Риббель — река Риббл
Сестер — Честер, Чешир
Скиптон — Скиптон, Йоркшир
Снотенгэхем — Ноттингем, Ноттингемшир
Снэланд — Исландия
Страт-Клота — Стратклайд
Судрейяр — Гебридские острова
Суморсэта — Сомерсет
Темез — река Темза
Теса — река Тис
Тинан — река Тайн
Туэд — река Туид
Фойрт — река Форт
Хеабург — Уайтли-Касл, Камбрия
Хеден — река Иден
Эмотум — река Имонт
Эофервик — Йорк, Йоркшир

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАРУШЕННАЯ
КЛЯТВА

Глава 1

В кольчужном доспехе летом очень жарко, даже если покрыть его белой льняной тканью. Железо тяжелое и жжет немилосердно, да и кожаная поддевка добавляет неудобств. Солнце с самого утра дышало огнем как кузнечный горн. Конь, которому досаждали мухи, беспокоился. Ни единому дуновению ветерка не удавалось перебраться через угнетенные полуденным солнцем горы. Алдвин, слуга, держал мое копьё и щит с нарисованной на нем волчьей головой Беббанбурга. Рукоять меча раскалилась так, что больно было прикасаться. Шлем с серебряным гребнем, подбитый кожей, в бою закрывал всю голову, его нащечники, зашнурованные поверх рта, оставляли видимыми только глаза в обрамлении боевой стали. Противник не разглядит шрамов от проведенной в боях жизни, зато увидит волчью голову, золотую цепь на моей шее и тяжелые золотые браслеты на руках, завоеванные в сражениях. Сейчас шлем болтался на луке седла.

Врагов у меня полно. Я хорошо известен, а самые храбрые либо самые глупые мечтают меня убить, чтобы прославить свое имя. Вот почему я привел к холму восемьдесят три дружинника — чтобы убить меня, про-

тивнику придется одолеть также и их. Мы — воины Беббанбурга, свирепая волчья стая с севера. Восемьдесят четвертым был поп.

Священник, сидевший на одном из моих скакунов, не носил кольчуги и не имел оружия. Узкое, чисто выбритое лицо, острые глаза. Он был вдвое моложе меня, но седина уже проступила на висках. Облачен в длинную черную рясу, на шее — золотой крест.

— Тебе в твоём наряде не жарко? — спросил я.

— Неуютно, — подтвердил он. Сказано было на датском, его родном языке, на котором я разговаривал в детстве.

— Ну почему я всегда воюю не на той стороне? — пробормотал я.

На это священник улыбнулся:

— Лорд Утред, никому не уйти от судьбы. Тебе суждено потрудиться ради Господа, желаешь ты того или нет.

Я прикусил язык, с которого готов был сорваться язвительный ответ, и продолжил разглядывать широкую безлесную равнину, где солнце отражалось от белесых скал и серебрилась маленькая речка. Высоко на восточном склоне щипали траву овцы. Пастух заметил нас и попытался угнать стадо на юг, подальше, но оба его пса страдали от жары, усталости и жажды и скорее распугали овец, чем сбили их в отару. Крестьянин зря боялся.

В самой глубине долины когда-то пролегал римский тракт, теперь превратившийся в тропу из утоптанного грунта с наполовину утонувшими в земле и заросшими камнями. Прямая, как бросок копья, дорога следовала руслу, а потом сворачивала на запад. Сворачивала именно там, под горой, где ждали мы. Сокол кружил над поворотом, подставив неподвижные крылья пото-

кам нагретого воздуха. Далекий южный горизонт расплывался в мареве.

И вот из этого марева появился один из моих разведчиков. Он мчался во весь опор, и это могло означать только одно: враг на подходе.

Я отвел своих людей и священника немного назад, за склон, — так, чтобы нас не было видно. В нетерпении я выдвинул Вдох Змея из ножен на ширину ладони и вогнал обратно. Алдвин предложил взять щит, но я покачал головой:

— Пусть появятся.

Отдав ему шлем, я спешился и отправился с Финаном и сыном к гребню, где мы залегли, глядя на юг.

— Как-то все не так, — буркнул я.

— Это судьба, — отозвался Финан. — А судьба — сука.

Мы лежали в высокой траве, глядя на клубы пыли, поднимающиеся из-под копыт скакуна разведчика.

— Ему бы следовало ехать по обочине, — пробормотал Финан. — Там пыли нет.

Разведчик, в котором я теперь узнал Осви, свернул с дороги и начал длинный подъем по склону к тому месту, где залегли мы.

— Ты уверен насчет дракона? — спросил я.

— Такую зверюгу не пропустишь, — ответил Финан. — Чудище пришло с севера, так что это он.

— А звезда падала с севера на юг, — добавил мой сын, сунув руку под кольчугу, чтобы коснуться креста. Утред — христианин.

Пыль в долине осела. Враг приближался, вот только я не ведал, кто этот враг. Знал лишь, что сегодня мне предстоит сразиться с королем, идущим с юга. И все это

казалось каким-то неправильным, так как звезда и дракон предрекали, что зло придет с севера.

Все жаждут знамений. Даже христиане ищут знаки в окружающем мире. Мы вглядываемся в полет птиц, опасаемся падения ветки, всматриваемся в рисунок, оставленный ветром на воде, затаиваем дыхание при крике лисицы и сжимаем амулеты, стоит лопнуть струне на арфе. Но знаменья тяжело истолковать, если только боги не хотят изложить свою волю прямо. И вот три ночи назад боги отправили в Беббанбург предельно ясное послание.

Зло обязано было прийти с севера.

По ночному небу над Беббанбургом пролетел дракон. Я сам пропустил это зрелище, зато Финан видел, а я ему доверяю. Зверь был огромный, сказал он, со шкуркой словно из чеканного серебра, с горящими как угли глазами и с крыльями, достаточно широкими, чтобы закрыть звезды. При каждом взмахе этих громадных крыльев море бурлило, как при порыве шквалистого ветра в тихую погоду. Чудище повернуло морду в сторону Беббанбурга, и Финан подумал было, что пламя вот-вот охватит всю крепость, но раскинутые крылья еще раз медленно поднялись и опустились, море внизу взволновалось, и дракон полетел на юг.

— А прошлой ночью упала звезда, — сообщил отец Кутберт. — Мехраса ее видела.

Отец Кутберт, беббанбургский священник, был слеп и женат на Мехрасе — диковинной смуглой девице, которую мы спасли от работорговца в Лундене много лет назад. Девицей я называл ее по привычке, потому как она, ясное дело, была теперь уже средних лет. Все мы стареем.

— Звезда падала с севера на юг, — настаивал отец Кутберт.

— И дракон появился с севера, — добавил Финан.

Я промолчал. Бенедетта прильнула к моему плечу. Она тоже ничего не сказала, но ее рука крепче сжала мою.

— Чудеса и знамения, — проговорил отец Кутберт. — Что-то ужасное грядет. — Он перекрестился.

Наступал летний вечер. Мы сидели на улице. Ласточки порхали под карнизами, а внизу, под восточными стенами, беспрестанно накатывались на берег длинные волны. Волны задают нам ритм: бесконечный звук, сопровождающий подъемы и падения. Я родился под этот звук и скоро, должно быть, умру под него. Я коснулся молота-талисмана и взмолился о смерти под шум бейбанбургских волн и крики чаек.

— Что-то ужасное, — повторил отец Кутберт. — И придет оно с севера.

А может, дракон и падающая звезда предвещают мою смерть? Я снова коснулся молота. Я до сих пор мог скакать на коне, держать щит и махать мечом, но боль в суставах к концу дня напоминала о старости.

— Самое скверное в смерти, — нарушил я тишину, — это невозможность узнать, что случится дальше.

Некоторое время все молчали, потом Бенедетта снова сжала мою руку.

— Глупец ты, — сказала она нежно.

— И всегда им был, — вставил Финан.

— Возможно, из Валгаллы ты увидишь, что произойдет дальше? — предположил отец Кутберт. Христианскому священнику не полагалось верить в Валгаллу, но он давно привык угождать мне. Поп улыбнулся. —

А может, ты примкнешь к лону римской церкви? — В его тоне угадывалось лукавство. — Уверяю тебя, с небес очень хорошо видно землю!

— Во время всех твоих попыток меня обратить ты ни разу не обмолвился, что в раю есть эль, — огрызнулся я.

— Неужто я забыл про это упомянуть? — Кутберт все еще улыбался.

— В раю найдется вино, — заметила Бенедетта. — Доброе вино из Италии.

Все умолкли. Вино нам не слишком-то нравилось.

— Слышал я, что король Хивел поехал в Италию, — пробормотал сын. — Или только подумывает?

— В Рим? — осведомился Финан.

— Так говорят.

— Мне бы хотелось побывать в Риме, — с грустью промолвил отец Кутберт.

— Ничего в Риме нет, — бросила презрительно Бенедетта. — Развалины да крысы.

— И его святейшество, — мягко напомнил Кутберт.

Снова все помолчали. Хивел, который был мне по душе, являлся королем Диведа, и если он собрался ехать в Рим, то между валлийцами и саксами в Мерсии будет мир, отсюда беды ждать не стоит. Но дракон пожаловал не с юга и не с запада, а с севера.

— Скотты, — высказал я предположение.

— Они по горло заняты дракой с норманнами, — бросил Финан.

— И набегами на Камбрию, — с горечью добавил мой сын.

— Да и Константин уже стар, — напомнил отец Кутберт.

— Мы все старые.

— И Константин предпочитает строить монастыри, нежели вести войну, — продолжил священник.

У меня это вызвало сомнение. Константин — король Шотландии. Мне доставляли удовольствие встречи с ним — это был мудрый и выдержанный человек, но доверия я к нему не питал. Ни один нортумбриец не поверит скотту, а скотт не станет полагаться на нортумбрийца.

— Никогда они не кончатся, — уныло проворчал я.

— Что? — спросила Бенедетта.

— Войны. Беды.

— Будь мы все христианами... — заикнулся было Кутберт.

— Ха! — отрезал я.

— Но дракон и звезда не лгут, — продолжил поп. — Беда придет с севера. Пророк так и сказал в Писании: «*Quia malum ego adduco ab aquilone et contritionem magnam*».

Он помедлил в надежде, что кто-то из нас попросит перевести.

— «Я приведу от севера бедствие, — огорчила его Бенедетта, — и великую гибель»¹.

— «Великую гибель!» — зловеще повторил отец Кутберт. — Зло придет с севера! Так написано!

И на следующее утро зло пришло.

С юга.

Корабль появился с юга. Ветра почти не чувствовалось, море было спокойным, низкие волны бессильно разбивались о длинный беббанбургский пляж. Прибли-

---

¹ Иеремия, 4: 6.

жающееся судно с крестом на штевне оставляло после себя рябь, игравшую золотом в свете утреннего солнца. Оно шло на веслах, лопасти поднимались и опускались в неспешном, усталом ритме.

— Бедолаги, видно, всю ночь гребли, — предположил Берг. Он командовал утренней стражей на стенах Беббанбурга.

— Сорок весел, — прикинул я скорее с целью поддержать разговор, чем сообщить Бергу вполне очевидный факт.

— И идет сюда.

— Вот только откуда?

Берг пожал плечами.

— Что сегодня будет? — спросил он.

Пришел мой черед пожимать плечами. То же, что и всегда. Будут ставить на огонь котлы, чтобы прокипятить грязное белье, к северу от крепости в больших чанах примутся вываривать соль, воины станут упражняться во владении щитом, мечом и копьем, лошадей поведут на выгул, будут коптить рыбу, доставать воду из глубоких колодцев и варить эль в кухнях.

— Я предпринимать ничего не собираюсь, а вот ты возьмишь двух человек и напомнишь Олафу Эйнерсону, что он задолжал мне с уплатой подати. Много задолжал.

— Господин, у него жена больна.

— Он это прошлой зимой говорил.

— И половину его стада угнали шотландцы.

— Скорее он продал скотину, — процедил я. — Никто другой не жаловался на набеги скоттов этой весной.

Олаф Эйнарсон унаследовал держание от своего отца, который всегда платил аренду в срок овчинами или

серебром. Олаф-сын, был крепким и смышленным малым. Его амбиции, очевидно, не ограничиваются выпасом скота на горных пустошах.

— Я тут прикинул и решил: возьми пятнадцать воинов и вышиби дурь из этого ублюдка. Не доверяю я ему.

Корабль подошел достаточно близко, чтобы я мог разглядеть трех человек, сидящих перед кормовой площадкой. Один из них был священником — по крайней мере, одет в длинную черную рясу. Именно он встал и помахал, повернувшись к нашим стенам. Я на приветствие не ответил.

— Кто бы они ни были, приведи их в главный дом, — приказал я Бергу. — Пусть посмотрят, как я пью эль. И подожди вправлять мозги Олафу.

— Подождать, господин?

— Давай сначала послушаем, что за новости нам привезли. — Я кивнул в сторону корабля, поворачивающего к узкому входу в беббанбургскую гавань. Насколько было видно, груза на судне нет, а гребцы выглядели измотанными. Похоже, корабль доставил срочные вести.

— Он от Этельстана, — предположил я.

— От Этельстана? — переспросил Берг.

— Корабль ведь не нортумбрийский, так? — У нортумбрийских кораблей острые штевни, тогда как южные корабельщики предпочитали широкий нос. К тому же на судне крест, а это на нортумбрийских кораблях редкость. — Да и кто еще станет использовать попов в качестве гонцов?

— Этельстан.

Понаблюдав, как корабль входит в канал порта, я свел Берга со стены:

— Позаботься о гребцах. Пошли им еды и эля, а треклятого попа веди ко мне.

Я поднялся в дом. Там двое слуг отчаянно воевали с паутиной, орудуя двумя длинными ивовыми метлами с пучком перьев на конце. Бенедетта следила за тем, чтобы из крепости изгнали всех пауков до единого.

— У нас гости, — сообщил я ей. — Так что войну с пауками придется отложить.

— Это не война, — возразила женщина. — Я люблю пауков. Только не у себя дома. А что за гости?

— Думаю, посланцы от Этельстана.

— В таком случае мы должны принять их соответствующим образом! — Она хлопнула в ладоши и распорядилась установить скамьи. — И установите трон на помосте, — последовал ее приказ.

— Это не трон, — сказал я. — Просто чудная скамья.

— Уфф! — Этот звук Бенедетта издавала в тех случаях, когда досадовала на меня. Я усмехнулся, и это только сильнее распалило ее. — Это трон, — отрезала она. — А ты — король Беббанбурга.

— Владетель, — поправил ее я.

— Ты не в меньшей степени король, чем эта дубина Гутфрит, — женщина сделала знак, отгоняющий нечисть, — или Овейн, или кто там еще.

Это был старый спор, и я не стал его продолжать.

— Пусть девушки принесут эль, — приказал я. — И еды какой-нибудь. Желательно не тухлой.

— А ты облачишься в черное одеяние. Я дам.

Бенедетта была родом из Италии. Еще девочкой работорговцы похитили ее из дома, а потом ее продали.

Она успела побывать невольницей в разных странах христианского мира, пока не оказалась в Уэссексе. Я освободил ее, и теперь она стала хозяйкой Беббанбурга, хотя и не моей женой. «Бабушка, — частенько говорила мне Бенедетта, неизменно осеняя себя при этом крестом, — запрещала мне выходить замуж. Утверждала, что это навлечет на меня проклятие! Мне по жизни хватило зла. Теперь я счастлива, и чего ради мне навлекать на себя проклятие бабушки? Она никогда не ошибалась!»

Я нехотя дал ей натянуть на меня дорогое черное одеяние, но отказался надеть покрытый бронзой венец, принадлежавший моему отцу. Затем уселся на скамью и стал ожидать прихода священника. Бенедетта пристроилась рядом.

С солнечного света под пыльные своды большого беббанбургского дома вступил мой старый друг. Это был отец Ода, ныне епископ Раммесберийский, высокий и представительный в длинной черной сутане с каймой из темно-красной материи. Сопровождавшие его два западносаксонских воина покорно отдали моему слуге мечи и проследовали за Одой.

— Любой бы решил, — произнес епископ, подходя ближе, — что видит перед собой короля!

— Так и есть, — подхватила Бенедетта.

— А тебя любой бы принял за епископа, — сказал я.

Он улыбнулся:

— Милостью Божьей, лорд Утред, я и есть епископ.

— Милостью Этельстана, — уточнил я, потом встал и поприветствовал гостя, обняв его. — Тебя стоит поздравить?

— Если хочешь. Сдается, я первый дан, ставший епископом в Ингланде.

— Так это теперь называется?

— Это куда проще, чем представляться первым епископом-датчанином в Уэссексе, Мерсии и Восточной Англии. — Он отвесил поклон Бенедетте. — Госпожа, рад снова видеть тебя.

— И я рада встрече, милорд епископ. — Итальянка слегка поклонилась.

— Ого! Так молва ошибается! Изыщные манеры живы в Биббанбурге! — Он широко улыбнулся мне, довольный своей остротой, и я улыбнулся в ответ.

Ода, епископ Раммесберийский! Единственным достойным удивления фактом являлось то, что Ода был даном, сыном языческих переселенцев, вторгшихся в Восточную Англию в войске Уббы, которого я убил. И вот теперь дан и сын язычников-родителей стал епископом в саксонском Ингланде! Это возвышение было заслуженным. Ода человек ловкий, умный и, насколько я мог судить, на редкость порядочный.

Возникла небольшая заминка, так как Финан, видевший прибытие Оды, пришел поприветствовать его. Ода был с нами во время обороны лунденских ворот Крепелгейт — схватки, обеспечившей Этельстану трон. Я не был христианином и не любил христианство, но трудно питать неприязнь к человеку, который бок о бок с тобой сражался в жестоком бою.

— О, вино! — воскликнул Ода при виде слуги, после чего обратился к Бенедетте: — Без сомнения, благословенное итальянским солнцем?

— Оно больше похоже на мочу франкских поселенцев, — буркнул я.

— Госпожа, его обаяние просто неистоцимо, не так ли? — отозвался Ода, усаживаясь. Потом он посмотрел

на меня и коснулся тяжелого золотого креста на груди. — Лорд Утред, я принес вести. — Голос его сделался серьезным.

— Так я и думал.

— Которые тебе не понравятся. — Ода смотрел на меня.

— Которые мне не понравятся, — повторил я, ожидая продолжения.

— Король Этельстан в Нортумбрии, — спокойно сообщил епископ, по-прежнему глядя мне в глаза. — Он вошел в Эофервик три дня назад. — Ода помедлил, как если бы ожидал взрыва возмущения с моей стороны, но я молчал. — Король Гутфрит неправильно истолковал наше появление и сбежал.

— Неправильно истолковал, значит, — протянул я.

— Вот именно.

— И дал деру от тебя и Этельстана. Прямо вот от вас двоих?

— Нет, конечно, — ответил Ода все тем же спокойным тоном. — Нас сопровождали две с лишним тысячи воинов.

Навоевавшись по горло, я хотел жить в Беббанбурге, слушать, как длинные волны разбиваются о берег и как ветер вздыхает над крышей дома. Я понимал, что мне остались считанные годы, но боги милостивы. Мой сын — взрослый мужчина и унаследует обширные владения, я до сих пор могу скакать на коне и охотиться, и у меня есть Бенедетта. Темперамент у нее как у перегревшейся на солнышке куницы, это верно, но она преданная и нежная и блеском своим озаряет хмурое беббанбургское небо, и я ее люблю.

— Две тысячи воинов, — ровным голосом повторил я. — И теперь ему понадобился я?

СОДЕРЖАНИЕ

Географические названия	9
Часть первая. НАРУШЕННАЯ КЛЯТВА	11
Часть вторая. ЧЕРТОВА РАБОТА	199
Часть третья. ПОБОИЩЕ	311
Историческая справка	471
Послесловие автора	476